Петр Бицилли и евразийство. Дарина Григорова

Дарина Григорова,

Пьотр Бицилли и евразийство

– В: Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 10.

Одеса – Велико Търново, 2009, 303–308.

Darina Grigorova Bitzilli 2009.pdf

“Чтобы спасти душу, надо погубить ее” – такой парадоксальной сентенцией П.М. Бицилли раскрывает будущее русской культуры – души нации, чья гибель “служит залогом мирового Возрождения”1, в этом суть исторической миссии России. Чувство трагичности и катастрофичности не покидает русскую эмиграцию после 1917 года, когда она теряет свою родину не только физически, но и исторически. Атмосферу “катастрофического мироощущения” описывает и Н.С. Трубецкой в самом начале организации евразийского движения в 20-е годы: “в катастрофическом происходящем мы видим знание назревающего, ускоряющегося переселения и перерождения культуры”2. Эсхатологические предчувствия, характерные для русского идеализма начала XX-го века, являются первой общей чертой между П.М. Бицилли и евразийцами.

“Болгарская судьба”3 П.М. Бицилли и болгарское начало евразийства – выход в свет сборника “Исход к востоку” в Софии (1921 г.) – связывают русского историка с единственным оригинальным послереволюционным эмигрантским направлением. Будучи одним из авторов первого евразийского издания, П.М. Бицилли принимает личное участие в первом – самом оригинальном – периоде евразийства, когда рождается его историософия.

В идейной жизни евразийства выделяются три внутренние этапа. Подобное деление дает и Марлен Ларюель4. Совпадение, однако, лишь хронологическое, причем оно упрочивается географическим маршрутом евразийцев в Европе: София – Прага – Париж и Берлин. Истинное евразийство формируется далеко до официального издания первого сборника в 1921 году в Софии и продолжается до конца первого периода, т.е. до 1925 года, после чего евразийство не просто политизируется, оно обезличивается.

Первый этап – этап “раннего”, или “истинного”, евразийства, начинается с официального создания движения в 1921 году, когда в Софии выходит в свет сборник “Исход к востоку”, до 1925 года. Тогда, наряду с заимствованием идей XIX века, рождаются и оригинальные идеи.

Генезис евразийства, однако, обнаруживаем значительно ранее этого первого этапа и хронологически его можно поставить после Первой русской революции 1905–1907 годов и до Февральской и Октябрьской революций в 1917 году. В письме Р.О. Якобсону от февраля 1921 года Н.С. Трубецкой делится с ним, что он обдумывал евразийские идеи еще до 1917 года. Н.С. Трубецкой чувствовал, что евразийство “носится в воздухе”, он чувствовал его “и в стихах М. Волошина, А. Блока, Есенина и в “Путях России” Бунакова-Фондаминского, в то же время в разговорах некоторых крайних правых и даже одного заядлого кадета”5. П.Н. Савицкий тоже признает, что он оформляет свою географическую, или геософскую, доктрину еще в 1910 году, далеко до организации евразийского движения6. Евразийство вывезено из России, оно не создано в эмиграции. В эмиграции организовано движение, а позднее – и партия, генезис евразийства, однако, остается в дореволюционной России.

Второй внутренний этап – с 1926-го по 1928 год, кога евразийство проходит под сенью Лубянки, с одной стороны, а с другой, из идейного направления оно превращается в организацию декларативного характера. Начиная с 1926 года, евразийство начиняет терять свою историософскую силу и политизироваться налево.

Третий внутренний этап – с конца 20-х до конца 30-х годов, для него характерны постепенное

советизирование евразийства и его вытеснение из культурно-философских тем к экономическим и политическим проблемам.

Вторая общая черта между П.М. Бицилли и евразийством – это отношение к термину “Евразия” как неотделимому от России: “Россия есть “Евр-азия”, т.е. как-то органично входит и в Европу, различие между Россией, как Европой, и остальным европейским миром может быть только относительным”7. Не будучи последователем евразийства, П. М. Бицилли определяет его как “признание некоторого бесспорного и исключительно важного факта: Россия, т. е. Российская империя, есть Евразия и всегда была Евразией”8.

Однако, если для евразийцев понятие “Евразия” должно заменить термины “Восток” и “Запад” с культурно-философской, геополитической и географической точек зрения, чтобы отделить Россию от Европы, то для П.М. Бицилли это понятие, наоборот – их объединяет: “отрыв “Евразии” от “Европы” в культурном отношении, как и в хозяйственном, скорее всего временное явление, а между тем евразийцы изображают его, как некоторую идеальную цель, к которой якобы, не взирая на людские заблуждения (“утрата евразийского чутья”), географическое провидение направляло ход русской истории, и притом – как цель конечную”9.

Третья общая черта между П.М. Бицилли и евразийством – это отношение к русской нации. Для П.М. Бицилли русская нация больше великорусской: “русская нация и пространственно и духовно есть нечто неизмеримо более широкое и многообразное, нежели ее этнический субстрат – великорусская народность”, она евразийская: “сообщила “евразийской” нации свою индивидуальность”10.

В понимании Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Л.П. Карсавина и П.П. Сувчинского евразийство разрешит русский национальный вопрос – через Евразию утвердится русская нация. В отличие от П.М. Бицилли, они принимают понятие “российская” нация, чтобы сочетать “русское” (национальное) и “евразийское” (сверхнациональное, имперское). “Российский национализм”11 Н.С. Трубецкого отличает евразийство от русского шовинизма. Для П.Н. Савицкого “российское” и “евразийское” – синонимы “сверхнационального”: “мы заключаем в имя “Евразия” некоторую сжатую культурно-историческую характеристику того мира, который иначе называем российским” 12.

Однако, если для евразийцев русская нация не славянская, а туранская, для П.М. Бицилли она европейская: “Потенциально русский народ принадлежал всегда к европейскому культурному кругу, будучи связан с ним единством веры, основою и источником культуры”13. В отличие от остальных евразийцев первого периода, Н.С. Трубецкой не следует изоляционизму русской от европейской культуры и в этом отношении он ближе к идее П.М. Бицилли: “Один лишь русский <…> получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец”14. Настоящий европеец для Н.С. Трубецкого и П.М. Бицилли – это русский человек, в этом отношении они являются приемниками Ф.М. Достоевского, для которого настоящий “всечеловек”, или русский, это “всеевропеец”15.

Четвертая общая черта – это отношение к русскому культурному религиозному возрождению – в этом отношении П.М. Бицилли и евразийцы являются приемниками В.С. Соловьева. П.М. Бицилли согласен с призывами евразийцев к русскому культурному религиозному возрождению, так как он сам считает, что корни любой культуры можно найти в религии. Однако возрождение евразийства равно реставрации – считает П.М. Бицилли, отсюда и его ошибочное понимание евразийцев, для него они являются приемникам славянофильства, называя их: “прямые потомки ранних, а не поздних славянофилов”16. Этатизм и мессианизм – одни из основных пунктов евразийской идеократии, они чужды славянофилам 40-х годов.

Однако отношение к религиозному возрождению не объединяет взгляды евразийцев и взгляды П.М. Бицилли по отношению к православию, где они расходятся. П.М. Бицилли упрекает евразийцев за несовместимость православия с неправославной частью Евразии. “Евразия” и “Православие” – это противоречущие между собой понятия – православие выходит вне границ Евразии. П.М. Бицилли напоминает евразийцам, что кроме русских, православными являются и болгары, греки и румыны. Историк отбрасывает возможность сочетать оба идеала евразийцев – “Православная Русь” и “Евразийская империя”17.

Пятая общая черта – это веховское отрицание интеллигенции. Однако если для евразийцев интеллигенция является символом европеизации России – в этом ее вина – П.П. Сувчинский обвиняет интеллигенцию в “послушничестве” и в “самопредательстве”18, то для П.М. Бицилли интеллигенция это часть распада русской нации в XIX веке на “государства” и “общества”: “В России “государство” и “нация” (“общество”) были разобщены не только с социологической точки зрения <…> но даже и пространственно, подобно средневековым “чинам” и “телам”: “нация” (“общество”) пребывала преимущественно в Москве, “государство” – в Петербурге. Принципом индивидуализации русского культурного развития была наличность совершенно особой

социологической категории: интеллигенции. <...> в полной мере начало “интеллигенции” раскрыло себя только в России. “Интеллигенция” это – “общество” в “чистом” виде”. П.М. Бицилли видит вину интеллигенции в том, что она оторвана не только от народа и власти, “но и – от духовных вождей русской нации, которые, тем самым, оказывались вождями без войска”19.

Отсюда основное отличие между П.М. Бицилли и евразийцами – это отношение к этатизму. П.М. Бицилли отрицает этатизм во всех его проявлениях – евразийском, большевистском, в этом отношении он проявляет себя либералом. В отличие от него евразийцы сакрализируют государство. Большевистский этатизм напоминает П.М. Бицилли строение орды, идеализируемой евразийцами: “Большевицкий этатизм, распухание государства за счет “народа”, многим очень нравится <...> Наши новые националисты не видят, что распухая за счет народа, Государство тем самым убивает нацию, ибо нация не есть какая-то готовая вещь, сумма традиций, бытовых навыков и тому подобного, а процесс, и только в самодеятельности, в постоянном самоопределении, в “ежедневно повторяющемся плебисците”, как гениально выразился Ренан, она реализуется”20. В этом отношении П.М. Бицилли ближе к Н.А. Бердяеву, для которого человек стоит выше государства.

Шестая общая черта П.М. Бицилли и евразийцев – это положительное отношение к революции. Одну из заслуг евразийцев П.М. Бицилли видит в том, что они “принадлежат к тем людям, которые мало того, что поняли, что “к прошлому возврата нет”, но и прониклись убеждением, что русская революция есть не просто “сдвиг”, “потрясение”, “ликвидация” чего-то и т.под., но и жизненный процесс”21. Евразийцы воспринимают революцию как революцию сознания, так же как П.М. Бицилли видит в нее революцию культуры:“Революция нашего времени была иного рода: она была революцией не личностей и не общественных коллективов, а культурных сфер и присущих им “идей” и духовных свойств”22.

Однако, если для евразийцев Н.С. Трубецкого, П.П. Сувчинского и П.Н. Савицкиого истинна Октябьрская революция, то П.М. Бицилли положительно относится только к Февральской революции: “воссоздание русской нации мыслимо лишь путем продолжения дела Февральской революции. <...> это был общий порыв, в котором “нация” на миг реализовалась. Но – только на миг. <...> Цель, ради которой “нация” осуществилась, была чисто отрицательной. Для замены оторвавшейся от народа власти властью общенациональной воли уже не хватило. Более того: явилась воля к тому, чтобы воспрепятствовать этому”.

П.М. Бицилли сравнивает Февральскую революцию с Французской 1789 года – обе ставят одинаковые национальные задачи. Если во Франции “Революция, ставши затяжным общенациональным делом, содействовала процессу утончения горизонтальной переборки между “нацией” и “империей”, в России Революция, взорвав переборку, взорвала вместе с ней и “нацию”. Во Франции “империя” переродилась в “нацию”. В России – “нация” исчезла! Осталась одна лишь “империя”23. Евразийцы отрицают Французскую революцию как пример европейского опыта, которого нельзя навязывать России.

Евразийское у П.М. Бицилли это символ новой эпохи – революция. Революция эпохи романтизма социальна, политическа, национальна, тогда как новая, постмодерная революция, по его мнению, должна быть “революцией не личностей и не общественных коллективов, а культурных сфер и присущих им “идей” и духовных свойств”24.

Носители революции – большевики, тоже вызывают разногласия как среди самих евразийцев, так и между ними и П.М. Бицилли. Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский и П.М. Бицилли дают целиком негативные оценки большевизму, тогда как П.П. Сувчинский, Н.Н. Алексеев, Л.П. Карсавин и П.Н. Савицкий принимают русский характер большевизма, противопоставляя его европейскому коммунизму.

Сопоставляя философию П.М. Бицилли и ранних евразийцев, мы распознаем как их общие черты:

- эсхатологические предчувствия русского идеализма начала XX века;
- принятие термина “Евразия” в качестве выразителя России;
- определение русской нации как евразийская и российская (имперская и сверхнациональная), а не как великорусская нация;
- определение русского культурного возрождения как религиозное возрождение;
- веховское отрицание интеллигенции;
- положительное отношение к революции;

так и их отличия:

- понимание этатизма и сакрализации государства;
- отношение к православию.

Трудно воспринимать и категоризировать П.М. Бицилли как представителя определенного эмигрантского направления. Разнообразие его идейных и академических исканий в сфере хуманитаристики – начиная с истории, через философию, культурологию и филологию, создают образ типичного русского интеллигента-энциклопедиста конца XIX века, с тревожным духом, ревностного хранителя русскости. Однако, общих черт между П.М. Бицилли и ранним евразийством, хотя и с внутренними несоответствиями, на наш взгляд, значительно больше, чем отличия, что дает нам основание определить его “полуевразийцем”.

1 Бицилли, П.М. Трагедия русской культуры. М., 2000, с. 363, 371.

2 Исход к востоку. Статьи Н.С. Трубецкого. // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992, с. 312.

3 Велева, М. Българската съдба на проф. П. М. Бицили. С., 2004.

4 Ларюель, М. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. М., 2003, с. 32.

5 Письма и заметки Н.С. Трубецкого. М., 2004, с. 12, 21.

6 Савицкий, П.Н. В борьбе за евразийство. Париж, 1931, с. 22.

7 Бицилли, П.М. Народное и человеческое. //Современные записки, 1925, № 25, с. 486.

8 Бицилли, П.М. Два лика евразийства. // Современные записки, 1927, № 31, с.421.

9 Бицилли, П.М. Г.В. Вернадский. Начертание русской истории. 1927. //Современные записки, 1927, № 33, с. 522.

10 Бицилли, П.М. Два лика евразийства…, с. 423.

11 Исход к востоку. Статьи Н.С. Трубецкого…, с. 315.

12 Савицкий, П.Н. В борьбе за евразийство… Он же. Идеи и пути евразийской литературы.

// Русский узел евразийства. М., 1997, с. 375.

13 Бицилли, П.М. Трагедия русской культуры…, с. 362.

14 Письма и заметки Н.С. Трубецкого…, с. V.

15 Достоевский, Ф.М. Дневник писателя. Т. 26. Л., 1984, с. 147.

16 Бицилли, П. М. Народное и человеческое…, с. 493.

17 Бицилли, П. М. Два лика евразийства…, с. 425.

18 Сувчинский, П. П. Сила слабых. // Исход к Востоку. М., 1997, с. 61.

19 Бицилли, П. М. Нация и государство. // Современные записки, 1929, № 38, с. 384, 394.

20 Бицилли, П. М. Наследие империи. // Современные записки, 1927, № 32, с. 320.

21 Бицилли, П. М. Народное и человеческое…, с. 484.

22 Бицилли, П. М. Формула нашего времени. // Современные записки, 1935, № 59, с. 392.

23 Бицилли, П. М. Наследие империи…, 318–319.

24 Бицилли, П. М. Формула нашего времени…, там же.